

ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ ВСЕГО НА СВЕТЕ: КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

ДЕНИС ЛУШНЯНОВ
Родился в Москве, окончил
Институт журналистики,
коммуникаций и медиаоб-
разования МПГУ. Писатель
и журналист. Ведущий
подкастов, контент-мене-
джер издательских сервисов
«Литрес», обозреватель
радио «Нига».

МАРГАРИТА РОНЖИНА, «ОДИНОЧКА» («АЛЬПИНА.ПРОЗА»)

Саша родила. У ее сына подозрение на ДЦП, постоянные припадки эпилепсии. Впереди — долгий путь реабилитации, лечение, а после и операция, которая станет часом X — для героини, для читателей. Путь этот для Саши будет устлан колючим терновником: будут и вылазки в клуб против совести — или в сговоре с ней? — и осушенные бутылки вина, и походы к «целителю», и ссоры с родственниками. Но Саша сильная, а вокруг нее — сильные люди. Хорошие, но неидеальные. Как и должно быть. Как и в жизни.

Начать стоит с того, что дебютный роман Маргариты Ронжиной во многих местах пробивает до слез. И это не та жалость, которую горе-сценаристы обычно выбивают из зрителей дешевыми трюками шарлатанов-фаниров, наученных тонной «учебников» по психологии. Это печаль, грусть, жалость, как хотите, которая рождается, когда примеряешь состояния героини и события романа на себя. Неважно, женщина ты или мужчина. Книга отзывается — болью, радостью, облегчением. Маргарита Ронжина — Вергилий, ведущий через круги жизни: потери, печали, влюбленности, теплые детские воспоминания, усталости, отчаяния и принятия... И имя этим кругам — легион. Держите Данте в голове — к нему еще вернемся.

«Одиночка» — проза, близкая к поэзии. Книга бунвально живет за счет особенного, отчасти экспериментального ритма. Здесь он не менее важен, чем подбор слов и меткость сравнений. Вынь его — и все развалится, станет снучно, обыденно. Маргарита Ронжина — не просто дивный стилист. Автор умело работает с деталями, отсылками, сравнениями (чего стоит один «ребенок-альденте» или «красная тишина набережной»). Вся книгу читателя преследуют яркие эпизодические образы, которые Маргарите Ронжиной особенно удаются: будь то добрая пожилая соседка, или парень в желтой шапке, или размалеванные маляжками

«кунлы» в фуд-норте. Иногда образы эти становятся реперными точками истории.

Можно ли говорить о некоем двоемирии в «Одиночке»? Вполне. Первые эпизоды в больнице напоминают мир, словами героини, «чуждый», мир «другого» (если вспоминать философию), подземный мир, преисподнюю, где Саше даже кажется, что из окон могут полезть видеоигровые монстры. Теневой ли это двойник мира реального? После выписки и возвращения домой наступает своеобразное безвременье, где пространство может сжиматься, стены и потолок — давить. Впрочем, и время Маргарита Ронжина то ускоряет, то растягивает — в зависимости от ощущений героини; ведь подлинное время и есть время души, а не аристотелевское время-физика. Так, может быть, «Одиночку» стоит делить даже на три части, три «мира»? Больница — ад Данте, первые дни в квартире, полные тумана сомнений, — чистилище, а дальше начинается пусть земной, но все же рай?

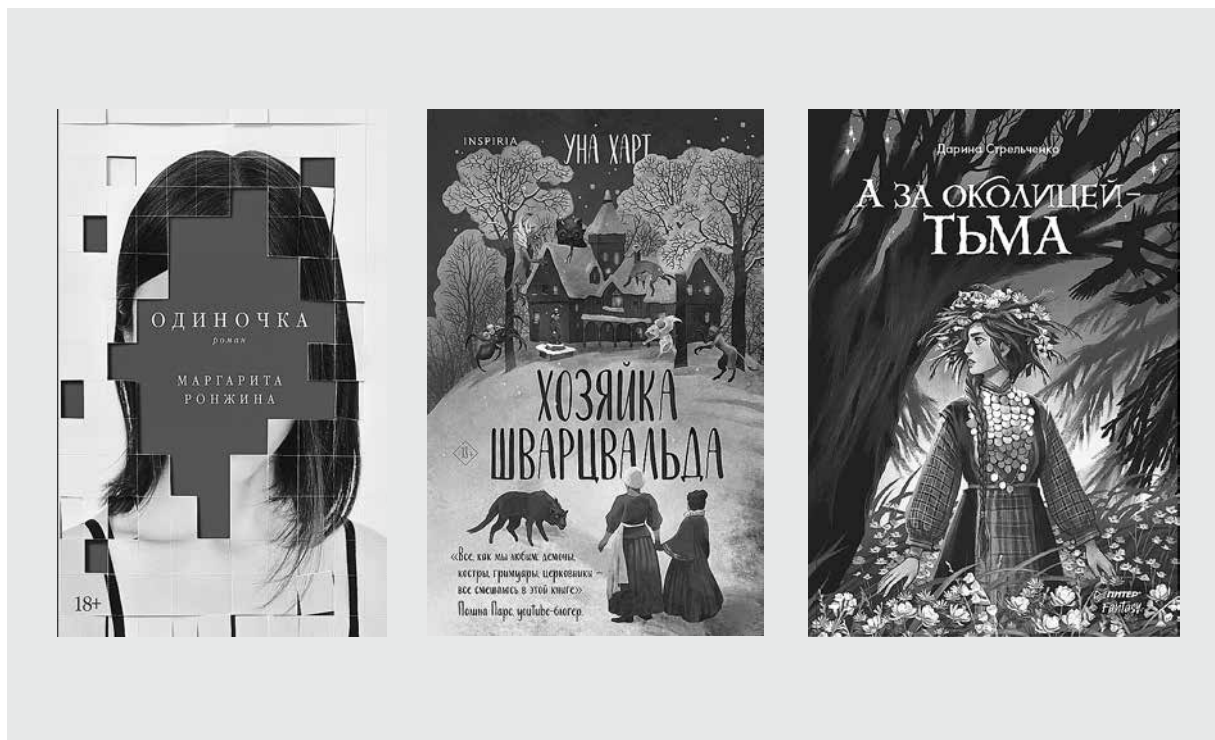
Роман напоминает дыхание после пробежки: сперва тяжелое и почти невозможное, оно наконец восстанавливается, нормализуется; так и Саша идет от темного к светлому, от отчаяния к пониманию и постепенно перестает задыхаться собственными проблемами и сомнениями. «Одиночка» в целом зернальна: события первых семи частей совершенно иначе преломляются в последующем тексте. Если сначала Саша находит «пластиновых» мужчин на одну ночь, то потом находит мужчину настоящего. Если сначала псевдовера и безумная Мария чуть не губят героиню (нак минимум морально), то потом вера помогает, предстает в совершенно ином ключе. Если сначала Саша чурается общения с отцом, то потом прощает его. Если сначала боится работы, то потом загорается ей. Впрочем, нет в «Одиночке» почти ничего полностью «обеленного» или «очерненного»: особенно хорошо это ощущается ближе к финалу. Ноторый, помимо прочего, написан живописно, но совершенно не слащаво. Саша — Алиса, гуляющая по мрачному зазеркалью и вскоре возвращающаяся в привычный мир, где все — наоборот. Все наконец правильно, нормально. Насколько возможно.

«Жестокость этого мира в том, что инвалиды, нищие дети, старики — все отправляются на помойку. И непонятно, живут они или давно уже умерли. Зыбкая грязь. Всем не поможешь, но кому-то станет чуть легче. Я помогаю, потому что хочу жить в мире, где меньше горя. Я тоже поломанная, как они все, добрых дел наркоман. Но изменить это в себе не могу. И буду помогать дальше».

УНА ХАРТ, «ХОЗЯЙКА ШВАРЦВАЛЬДА» (INSPIRIA)

Кристоф Вагнер был шестым и, как считал отец, самым никудышным сыном в семье. И вот однажды он стал учеником великого донтора Фауста. Сначала пришлось прислуживать — чистить плащи и вытирать пыль, а потом донтор буквально «вдолбил» в голову юноши все: от логики до «Одиссеи» Гомера. После страшной смерти Фауста все наследство (деньги-земли-ниги) перешло Вагнеру.

Наступает XVII век, всюду — чем бы еще заняться? — нещадно ищут ведьм. Сколько уже лет Кристофу? Неважно. Важно то, что теперь он сам решает найти ученицу и сделать из нее нового Фауста, раз из него не вышло. Выбор падает на юную Агату, дочь недавно сожженной «ведьмы». Методы у Вагнера не всегда самые приятные — может и в печи в нака-

зание запереть, — но у него, его слуги-демона и других «приглашенных» князей тьмы Агата учится до семнадцати лет... Параллельно происходит еще много чего при минимальном наборе персонажей: конюх, кухарка, няня Агаты, врач и один мерзавец.

«Хозяйка Шварцвальда» — это своего рода попытка переработать семейную сагу, отдельный подвид «большого европейского романа», впусив в него дыхание сверхъестественного. Уна Харт прежде всего прекрасный стилист, поэтому текст мимикрирует под «средневековые романы»: рыцарские и в большей степени плутовские. Вагнер, при всем обаянии, точно не рыцарь; благородный чернокнижник — плут, наих поискать. К слову, особенно ярко плутовские элементы ощущаются в интерлюдиях с участием доктора Фауста (в одном из эпизодов, например, он решает украсть зерно, чтобы накормить голодных. Мефистофель и Вагнер в шоке).

Роман написан бодро, хлестко. В конце поджидает неожиданный и органичный твист. Единственный нюанс: ближе ко второй трети книга может чуть-чуть поднадоесть, но это временные трудности.

Здесь со всей точностью описан не только быт Германии XVII века, но и доминирующие колдовские, медицинские, алхимические теории (за проработку последних автору стоит сказать отдельное спасибо). Так, юная Агата, наслушавшись от учителя о «музыке сфер», действительно пытается ее услышать. Получаются такие... скажем, вариации на тему Фауста при наличии самого Фауста: здесь образ старого доктора постоянно преломляется в других ключевых героях, каждый из которых — по своему — отражает его историю, вечный сюжет вечного же поиска и искушения.

Как у античного скульптора есть только кусок мрамора и несколько инструментов, так и у Уны Харт максимально простые формулировки

и в меру короткие предложения складываются в изящный сверхатмосферный текст. Идет игра на деталях: печках, абортных отварах, особенностях употребления в пищу рыбы, «отравленных» ожогах и даже демонах, которые своим жаром греют постель хозяину.

Бывают романы-носплеи, где все вокруг — красочный карнавал, этаний «Айвенго» Вальтера Скотта, где даже из-под рыцарской маски видно англичанина былой эпохи. Бывают же романы-реконструкции, где, помимо костюмов, важны мысли, действия — словом, воспроизведение не просто быта, но реальности целиком (и, как следствие, ее неминуемого влияния на сознание героев). «Хозяйка Шварцвальда» написана именно по второму принципу. Поэтому герои Уны Харт будут современны читателю любой другой эпохи. Колдовство, не иначе. Но, следуя морали «Хозяйки Шварцвальда», стоит напомнить, что не все колдуны попадут в ад. Колдуны-реставраторы — тем более.

ДАРИНА СТРЕЛЬЧЕННО, «А ЗА ОКОЛИЦЕЙ — ТЬМА» («ПИТЕР»)

Призвание любой яги — быть стражницей на границе Леса и Хтони, хранить равновесие. Хтонь — место странное и опасное, тут путаются не только тропы, но и помыслы. Попасть в Хтонь можно через особую черную дверь в избушке яги. Когда одна яга умирает, то отправляется к сотне предыдущих в Безвременье, поэтому важно найти себе преемницу, иначе конец равновесию. Или, может, есть иные пути?

Старая яга Абыда воспитывает преемницу Ярину — она растет под ее чутким руководством до шестнадцати лет. Ярина, правда, странная: в ней теплится огромная сила, но в то же время она постоянно сваливается с разными болезнями, ей вечно холодно, хочется спать. Абыда учит девушку разным премудростям, а та, в лучших традициях, вляпывается во всякое: то заговорит, с кем не надо, то посмотрит, куда не стоило. И вот однажды Ярина понимает, что не хочет быть ягой. Но если она откажется, другой преемницы уже не сыскать, как бы Абыда ни старалась. И что делать? Ного слушать? Тем более как пить дать ясно: старая наставница что-то недоговаривает...

Роман Дарины Стрельченко — густой удмуртский отвар, вводящий в особый транс атмосферности. Книга обволакивает и с прозорливой легкостью утягивает за собой. Автор не дает читателю выскользнуть из своих цепких лап и делает это на всех уровнях текста: сюжетном, образном, ритмическом, словесном. Локомотивы «Околицы» — герои и атмосфера. Сюжет как таковой отходит на второй план. Тот редкий случай, когда книге от этого только лучше.

Перед читателем отчасти этаний мультсериал «Аватар» в обертке из удмуртских мифов. Безвременье яг иногда очень напоминает бесконечных духов предыдущих Аватаров, а одну сцену Дарина Стрельченко, возможно, принципиально стилизует под кадры мультсериала. Да и чем Ярина не Аанг?

«Околица» — прекрасный пример книги, где классические сюжетные элементы спрятаны за густыми листьями самобытного папоротника: тут и наставник, недоговаривающий правду, и конфликт сердечного желания с предназначением, и искушение Ярины вернуться домой, сойти с назначенного пути — ей предлагают. Это, безусловно, роман-взросление, но с двумя подвохами: во-первых, «Околицу» стоит назвать скорее

романом-инициацией, такой термин будет точнее; во-вторых — история колеблется между точками зрения Абыды и Ярины, отчего текст выходит насыщенной и интереснее. Истории ученицы и наставницы равнозначны — и равнозначно трагичны. Старики-мудрецы здесь не выбелены своей мудростью, как поп-культурные волшебники, бесчисленные вариации на тему Мерлинов и Гэндальфов: они тоже боятся и переживают. В том числе за себя.

Местный Ношей — отдельная звезда всего «шоу», но и другие второстепенные персонажи не оставляют равнодушными: допустим, антропоморфные Утро-День-Ночь, три статных молодца. Домовой здесь будет пьянеть от масла (как кот от валерьянки), а местный водяной — просить у яги соленых огурчиков. Кстати, все герои названы оригинальными удмуртскими именами и отличаются от своих славянских «братьев». «Онолица» — ни в коем случае не топорное славянское фэнтези. Это нечто более необычное.

В тексте огромное множество артефактов: обереги из змей и паучьей травы, зеркала, нити, пуговицы, осколки Ношеевой короны... Дарина Стрельченко знатно развернулась! Получилась своего рода квинтэссенция Проппа, которая, впрочем, более чем оправдана: разве может быть иначе в пространстве, абсолютно сказочном? «Онолица» — книга не о мире людей. Лес, если хотите, — коллективное бессознательное, изнанка, самый что ни на есть мир мифов и архетипов, живущий за гранью привычных вещей, и существует он не иначе как по сказочным правилам. А потому любой знакомый мотив, любой привычный сюжет здесь — матрица жизни. И ее очень легко сломать, из сострадания нарушив равновесие и проявив излишнее своеволие.

АНДРЕЙ ПОЛЯКОВ, «ПРЕСС-ТУР» («ЭНСМО»)

Когда шахтеры в России случайно нашли вещество, позже получившее название «росений», ситуация в большой экономике изменилась. Ведь росений — уникальный источник энергии, новое черное золото, не чета нефти. Добывают его в городе Краснополярске. И вот решено провести пресс-тур на завод: надо же освещать такие события и для граждан, и для политических партнеров. Журналисты и блогеры приезжают в Краснополярск, но слишком поздно осознают, что город охвачен эпидемией. Что же нашли вместе с росением? Или... ного же?

Андрей Поляков — молодой автор, победитель крупнейшей российской премии в области электронных и аудиокниг «Электронная буква — 2022» в номинации «Дебют года». Летом бумажная версия романа выйдет в «Энсмо». Нетрудно догадаться, чем автор подкупил читателей и жюри. «Пресс-тур» — динамичный развлекательный роман, не лишенный глубины. Прежде всего, глубины персонажей. Книга держится на трех нитах собирательных образов, которые, с одной стороны, сохраняют связь с нашей реальностью, а с другой — не дают забыть, что все выдуманно. Чтобы было не так страшно.

Андрей Поляков не пользуется дешевыми приемами, меняющими уровень адреналина в крови: излишним описание мерзости и жести, которыми часто грешат современные фильмы ужасов. «Пресс-тур» — хоррор, построенный прежде всего на карнасе психологического напряжения и базового человеческого страха: ведь, как замечает один из героев, неизведанные антропоморфные существа куда страшнее грибов-убийц

или оживших динозавров. Потому что одновременно похожи на нас и не похожи. Равны и не равны.

Основная сюжетная линия в тексте перемешана с дневниковыми записями, бортовыми журналами и расшифровками опросов. Действие романа после условного «вступления» тут же консервируется, становится герметичным. Тогда-то и начинается настоящая, как говорят, «русская бытовуха», помноженная на фантастические элементы. В этом смысле есть в книге что-то от «Покрова-17» Александра Пелевина: оба автора отрабатывают разные задачи примерно одними и теми же инструментами. Андрей Поляков в большей степени поддувает градусом динамики и героями, которых, в отличие от персонажей «Покрова-17», читателю куда проще ассоциировать с собой. Легко встать на их место: они молодежные, современные, живые.

«Пресс-тур» — внедорожник, несущийся на полной скорости и не боящийся ухабов необычных решений, сюжетных поворотов и экшен-сцен под стать видеоиграм. Порой тексту хочется добавить густоты описаний, чтобы ужас сковывал еще и на другом уровне — эстетическом. Если и заставлять сердце читателя биться, вводя страхи разного толка внутривенно, то уж «разными» препаратами — всей писательской аптечкой. В целом атмосфера романа... Скажем так, если скрестить «Номьюнити» и «Псоглавцев» Алексея Иванова, добавив игрового и коминсового хоррора, а сверху — несколько киношных приемов (особенно в финале, он тут замечателен тем, что на своем месте и не выбивается из общей концепции), то получится нечто, по атмосфере очень близкое к «Пресс-туру». Тем, кто любит зрелищно пощекотать нервы, роман подойдет как нельзя кстати.

ИВ МАҢДОННЕЛЛ, «ИНОЧАС» («ФОЛИАНТ»)

Двенадцатилетний парень по прозвищу Спица дружит с Вороной по кличке Сорока. Но в этом ничего необычного: Спица видит «цвет» чужих слов и так может ориентироваться в настроении людей. А еще он может читать «прошлое» вещей (сонровищ), которые подбирает, будь то бусинки или наперстки. Спица обязательно увидит перед глазами историю бывшего владельца. И вот однажды герой находит очень горячее сонровище, которое обжигает. Оказывается, что его принесло из будущего, в котором городок Интингтон затопит. А вскоре Спица и сам попадает в это будущее.

Глори живет как раз в Интингтоне будущего. Работает она в ювелирной мастерской миссис Снор. Хозяйка — дама не самая приятная. Ладно, будем честны: она ужасна и симпатии почти не вызывает. К тому же миссис Снор не говорит никому, что украшения на самом деле создает Глори. А когда важный лорд заказывает трость для своего друга, начинается паника и переполох: ведь заказ надо выполнить! Глори, кстати, тоже общается с той же самой Вороной-Сорокой, которая таскает побрянушки для украшений. И вот Глори встречает Спицу. Теперь им придется не только разобраться во временных перипетиях, но и предупредить город о скорой катастрофе. Но вот кто поверит?

Роман Ив Маңдоннелл — уютная и добрая история, написанная в пастельных и чуть холодноватых тонах. Приключения здесь переплетаются с семейными перипетиями, что добавляет героям дополнительный слой глубины. Они не яркие силуэты-человечки из цветной бумаги, мельте-

шащие туда-сюда и задающие бодрость повествования, а этикие статуэтки из папье-маше. Глори — сирота, родители погибли от лихорадки, случилось все быстро. Спице в прошлом тоже жилось тяжело. Из семьи ушел — или просто пропал? — отец. Автор задает такой тон и вшивает такой подтекст, что «Иночас» просится на большой экран. История, с одной стороны, очень кинематографична, а с другой — полна весьма поэтичных образов.

«Иночас» напоминает книги Роальда Даля и «Финта» Терри Пратчетта: красиво, бодро, не без юмора, с детьми-героями, на которых давят и реальные проблемы, и фантастическое допущение. Романы о путешествиях во времени — ловушка, которую авторы обычно ставят сами себе. Но Ив Мандоннелл сплела все нити с умением Арахны: Ворона стала отличным связующим звеном между прошлым и будущим, а финальный твист не только удивляет, но и ставит все на свои места. В целом же «Иночас» — история для тех, кто хочет, чтобы книга после прочтения не утонула свозь пальцы, а оставила в голове ребенка золотой песок смыслов: о дружбе, семье и памяти.

АНИТА ФЕВЕРС, «ОГНЕВИЦА» («НОМПАСГИД»)

Огненное колдовство в мире Аниты Феверс — исключительно мужское. Таких колдунов называют «девайсы». Но Итрида — огневица — почему-то тоже обладает этим даром: он пожирает ее изнутри, а когда просится наружу, то его сложно сдерживать. Конечно, у этой «аномалии» есть свои причины. Всего таким даром обладают две женщины в мире, и личность второй — большая загадка, о которую читателям придется поломать зубы. И вот Итриду начинают преследовать тени прошлого: вороны и старуха с ручным волком...

Девайсу же Марию Болотнику (персонажу предыдущей книги автора, «Раганы») поручают важное дело: разобраться, почему странным образом сгорели княжеские терема. Ниточки уже начинают стягиваться... И вдруг некоторые люди, обладающие даром огня, сгорают заживо — как один несчастный парнишка на глазах у толпы. Конечно, Марию придется встретиться с Итридой, а еще вернуться в Серую Чашу — место на грани миров, место, где живут навьи твари. Разгадка у головоломки будет весьма... занятой и, снажем так, многоликой.

«Огневица» — настоящий фэнтези-детектив, и особенно ярко это ощущается на первых страницах: таинственные незнакомцы, происшествия, столкновения героев... Но это детектив двуликий: здесь, с одной стороны, есть четкая линия «расследователя»-Болотнина, а с другой — линия Итриды, вращающаяся вокруг ее туманного прошлого и странного дара. Почему она такая, какая есть? Кто и зачем сделал с ней это? Просто ли за ней ухаживала странная старуха? Вопросов, как водится, больше, чем ответов. Можно сказать, что «Огневица» — это такой сериал «Шерлок», которого одели в балтийско-славянскую мифологию. В том смысле, что загадки и расследования здесь струятся по двум уровням: локальным и глобальным. Ключики к последним — в конце книги. Не стоит думать, что в романе есть только интриги и шифры, — Аните Феверс удаются очень зрелищные экшен-сцены: с Голливудом им, конечно, тягаться сложно, а вот «Ведьмана» от Netflix по красочности они переплывают. В «Огневице» вообще много всего: это и детектив, и драма, и «роман-дорога». И такая «бугристость» задает бодрый, но не опережающий события темп.

Действия «Огневицы» происходят в том же мире, что и события «Раганы», но напрямую обе книги не связаны. Здесь разве что появится приятное cameo на главную героиню «Раганы», ну и причинно-следственные связи сохранятся. При этом в новом романе Аниита Феверс значительно расширяет географию, и путевая карта становится глобусом: появляются, например, жаркие пустынные земли, жители которых — явный оммаж в сторону персов (они любят красиво одеваться, торговать и любить, простите тавтологию, женщин).

У «Огневицы» мрачноватая тональность: герои могут быть жестоко истерзаны до неузнаваемости, а количеству сгоревших заживо (даже «за надром») можно вести учет. При всех различиях «Рагана» и «Огневица» — два кусочка одного пазла, которые стыкуются и дополняют друг друга. Если в предыдущем романе все крутилось исключительно вокруг главной героини (остальные персонажи и события по отношению к ней были так или иначе вторичны), то здесь сюжетные линии Итриды и Болотника равноценны. Хотя, конечно, бедняге Итриде досталось нудно больше проблем. Зато она и коня на скаку остановит, и в горящую избу войдет, особенно если сама ненароком ее подожжет.

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА, «БЕЛЫЕ ПЕШКИ» («ПИТЕР»)

Представим, что жил некогда человек по имени Валаар. Представим, что он решил захватить мир с помощью игровой доски Хаоса. Представим, что его перехитрили, а он сам стал ни жив, ни мертв, да и ни демон, ни человек. И представим, что теперь он может отыгаться... силами иного порядка.

Что могут поставить на кон Добро и Зло, Рай и Ад, Бог и Дьявол? Это шахматная партия, господа, и пешки здесь — шестнадцатилетние

подростки из Москвы 2007 года. Они разные: один — художник, другой — сын владельца фармацевтической компании, третья хочет работать в милиции. Они мечтают, падают и поднимаются, дышат свободой жизни. Но они — белые пешки в шахматной партии нечеловеческих масштабов.

Роман Енатирины Звонцовой — законсервированный дух начала 2000-х, запакованный в красивую обертку магического реализма с ярко выраженными «магическими элементами». Достаточно сказать, что высшие силы здесь сталкиваются в баре и уминают фисташки. «Белые пешки» — история Великолепной Восьмерки. Она почти как великолепная семерка, но не по-вестерновски (и даже не по-самурайски), а по-русски. Это роман о дерзкой молодости: местами, как положено, дерзкий и хлесткий, а местами, наоборот, полный расцветающей душистой сиренью романтики. Большие мечты, большие надежды — вот чем пропитаны «Белые пешки». И это пропитка, как керосин, воспламеняется, стоит чему-то пойти не так. Или стоит кому-то того захотеть.

Текст полон аллюзий и отсылок к литературе и масскультуре: впрочем, сложно представить подростков, которые не захотели бы ввинтить в свою речь шуточки про Оби-Вана Кеноби и другие отсылки. Енатирина Звонцова возрождает жанр эпистолярного романа в молодежной фантастике. Работать в нем не так просто, как кажется, но автор справляется. «Белые пешки» — капсула времени не только для героев, но и для читателей, где динамика не в последнюю очередь достигается за счет совершенно по-разному звучащих «голосов» героев-рассказчиков и перемешивания, как рваных бумажек, событий и дневниковых записей (герои ведут общую тетрадь). Это роман-хор, внимательно следящий за дирижерской палочкой Енатирины Звонцовой.

Автор вспоминает «Мастера и Маргариту», когда рассказывает о книге. Это, безусловно, верная аналогия, но все же хочется вспомнить и Фауста с его прологом на земле и небесах. Только сделок никто не заключает: какой бизнес? Сплошные манипуляции смертными! А «интерлюдии» (названные здесь «смертями») напоминают сцены из сериала «Джессика Джонс», и где-то на заднем плане маячит антер Дэвид Теннант в образе Человена в фиолетовом — то есть, простите, в случае Енатирины Звонцовой, в лиловом. И не то чтобы Человена. Да и... в общем, все сложно. Надо читать.

ЕВГЕНИЯ САФОНОВА, «РИДЖИЙСКИЙ ГАМБИТ. ИНТЕГРИРОВАТЬ СВЕТ» («ЭНСМО»)

Занклучительная часть диалогии Евгении Сафоновой начинается там, где в предыдущей все резко оборвалось так, чтобы читатель не расслаблялся. Стоит напомнить, что девушка Снежана — гений-математик и геймер — попала в волшебную страну Риджию, где из пленницы вскоре стала союзницей. Почти два десятка лет назад в Риджии отгремела война между темными и светлыми эльфами. Снежана влюбилась в местного колдуна, а заодно поняла, что не все так однозначно и «светлые» могут быть вполне себе хуже «темных». После провалившейся миссии по заключению мира и пропажи светлого принца Снежане и компании нужно попытаться предотвратить войну. Но что делать, когда на стороне врага фанатичная избранная с мощным магическим даром, а лепреконы не хотят помогать и отдавать артефакты? Правильно. Брать хитростью. Ну а решить дела любовные после такого — раз плюнуть. Или все-таки нет?

В романе «Интегрировать свет» читатели смотрят на зеркало сюжета как бы с новой, неизученной стороны: раскрываются мотивации, до этого умалчиваемые, становится понятней, что же движет светлыми эльфами. Ведь при их дворе хватает своих интриг. И если в первой книге «светлые» все же существовали в качестве важного, но фона, то здесь, как и следовало ожидать, порционный баланс сюжета восстановлен. Героев наконец-то догоняет рефлексия по событиям предыдущего романа: например, теперь точно понятно, что произошло между героями после жестокого публичного наказания из первой части. До этого Евгения Сафонова прятала все кулуарные подробности за плотной ширмой интриги, а теперь пришло время добавить еще больше бэкграунда персонажем. Чем сильнее у них ломаются плечи от груза событий и рефлексий, чем интереснее читателю. Впрочем, подобных ширм у автора запасено в достатке. Интрига — одна из важнейших шестеренок в табанерочном городке Евгении Сафоновой. Важнее разве что неожиданные повороты и уже упомянутый многотонный груз печалей и трудностей на плечах персонажей.

Вся диалогия «Риджийского гамбита» — шахматная партия автора и читателя, где Евгения Сафонова, конечно, на шаг впереди. Во второй части расставляется максимум точек над *i*, и даже узел любовного треугольника хитрым и болезненным образом наконец-то распутывается. Автор решает вопрос по-взрослому. Снова стоит напомнить, что вся диалогия — игра с правилами жанра, в том числе с приемом «попаданчества» (который, поясним еще раз, не несет в себе ничего потенциально некачественного). Для Евгении Сафоновой фэнтези — конструктор, и из знакомых всем кубиков автор собирает историю совсем не по инструкции.

«Риджийский гамбит» — диалогия, которая не потеряет актуальности. Ведь как отличить зло от добра? То-то и оно. Важно помнить: даже когда кажется, что все закончилось и зазвучала нежная флейта послесловия — берегись, читатель, потому что флейта вмиг обращается громогласной иерихонской трубой, несущей новый поворот сюжета.

АЛЕКСАНДРА ЯНОВЛЕВА, «СНАЗКИ СО ДНА ОЗЕРА» («ИРГА»)

По сказочным тропкам можно бродить днями и часами, особенно когда их — целое скопище. То водяной решит из болота выбраться и былую жизнь вспомнить, то Лесовик решит Большую Рыбу обхитрить, чтобы спасти возлюбленную змейку, то царевича овеет таким сильным мороном, что тот поседеет, а глаза станут стеклянными. Все это — сюжеты небольших, но очень метких авторских сказок из сборника Александры Яновлевы.

«Сказки со дна озера» — книга, на которой начинающим авторам можно учиться азам сказки. Александра Яновлева делает хитро: с одной стороны, работает по всем канонам, а с другой — вплетает в свои истории абсолютно неожиданные и зачастую нетипичные финальные «твисты». Это не просто сказки — скорее сказки-коминсы, отдающие дань традиции и полные уважения к ней. Каждый сюжет не перенасыщен моралью «в лоб». Это в первую очередь увлекательная история, украшенная и необходимой стилистикой, и ритмикой. Даже обязательные для сказки «точки входа» и «точки выхода» здесь есть, и держатся они крепко, не привинчены автором в последний момент. Это традиция, смешанная со своеобразным бунтом. Говоря музыкальными терминами, «Сказки со дна озера» — самый

настоящий фолк-рок, где фолка, конечно, больше, чем рока. Здесь водяной обращается человеком, а его подруга мавна превращает ручеек в болото, да там и остается: ведь не было для нее никогда мира, кроме болота. А трусливый охотник становится Пустым человеком, жить начинает как король, пока ложь его не разоблачают три сестры, спасая жизни утопшим.

Наждая сказка в сборнике безумно колоритна и кинематографична. Так и просится красивая анимационная адаптация, наподобие «Песни моря» или «Легенды о волках». Всем, кто любит маленькие, но меткие истории, грамотную стилизацию не через «край» и народные мотивы, «Сказки со дна озера» придутся по душе. И в эту же душу совершенно точно западут. Александра Яковлева наколдовала знатно.

УЛЬЯНА ЧЕРНАСОВА, «ПОСМОТРИ, НАШ САД ПОГИБАЕТ» («НИСЛОРОД»)

У Велги, дочери нупца, свадьба! Приехали гости, пьют-гуляют, мед по усам течет, в рот не попадает. И кто же мог подумать, что в эту ночь сгорят все дома, а вместе с ними — дивный яблоневый сад? Велгу похищают, но ей удастся улизнуть. Оназывается, ее убийство заказали. Наемник Белый Ворон, снованный условиями сделки, думал, что заказ поступил только ему. Но, как выяснилось, еще и целой своре других наемников — случился сыр-бор. Теперь нужно разобраться, кем же был заказчик: клубок нитей намекает на то, что Велга — просто пешка в большой игре. И раз за ниточки — возможно — дергают сильные мира сего, Белому и Велге придется на время объединиться. А что поделывать?

Роман Ульяны Чернасовой — настоящий триллер, упакованный в обертку славянского фэнтези без излишней мифологизации. Здесь, конечно, есть водяные и русалки, а домовый сидит на пепелище дома.

Но они — не движущая сюжетная сила и даже не волшебные помощники. Встречаются в книге и чародейки (колдовство здесь обыденно). Можно, например, как в видеоигре, собирать осколки душ мертвецов, чтобы восполнить жизнь и здоровье. Но и это — не осевая тема. Автор по полной пользуется заветами дедушки Мартина и говорит: «Фэнтези-твари, это, конечно, хорошо, но давайте-на лучше повернемся направо и посмотрим, какие короли и королевны хотят всадить нож друг другу в спину и как впутывают в это смертных».

Образ погибающего яблоневого сада не просто так вынесен в заглавие. Он разрастается за рамки простой сюжетной локации и становится настоящей мифологемой, определяющей в том числе рефлексии героев. Это образ «утраченного рая», ушедшего навсегда прошлого, но совершенно не в чеховском ключе (ассоциации могут возникнуть). Велге еще придется вернуться в своеобразную версию этого сада... где он станет пространством, полностью «мифическим», или, если угодно, «метафизическим». Тут уж надо просто дочитать до этого момента.

«Посмотри, наш сад погибает» — книга весьма «наваристая», но при этом очень легкая. Персонажи Ульяны Чернасовой открываются читателю не спеша, и это, с одной стороны, чуть выбивается из бодрого повествовательного темпа. А с другой — наоборот, добавляет всему происходящему естественности — к чему торопить события? Считаящаяся в поисках ответа на вопросы и — сперва — приюта у тетушки купеческая дочь не может прыгать с кочки на кочку и выдавать один секрет за другим, одну мысль — за другой.

Книга пронизана эстетикой Пушкина-сказочника, а заодно вызывает четкие ассоциации с ранними песнями группы «Мельница»: «Королевой», «Невестой полоза», «На север». Нарты Ульяны Чернасовой раскроет в финале, но Велга тут же решит завязать новый узелок сюжета, который потянет за собой завершение дилогии. Это роман для тех, кто хочет почитать славянское фэнтези о людях и только о них: без явного влияния богов, фантастических тварей и колдунов, пусть в сюжете все они и играют определенную, но не главенствующую роль.

БЕН ГЭЛЛИ, «ГОНКА ЗА СМЕРТЬЮ» (FANZON)

Нелтро Базальт — мастер вскрывать замки. Дела его плохи, кошелек почти пуст, и вот однажды на пороге Нелтро находит письмо с королевской печатью. Его приглашают в столицу, Аранс, чтобы вскрыть некое хранилище. Информация конфиденциальна. Но Аранс не просто так называют Городом Бесчисленных Душ: благодаря водам волшебной реки Нинс спустя какое-то время душу умершего можно привязать к половине медной монетки и превратить в своего раба.

Под покровом ночи Нелтро убивают — вот так сюрприз! Богатый работороговец душами продает Нелтро в дом, где тому приходится прислуживать (какое унижение!) и конфликтовать с мажордомом. Герой, конечно, пытается сбежать, но вот беда: ему являются боги и говорят то, что они так любят: мол, только ты можешь спасти нас и остановить то, что грядет. Умели бы они еще выражаться без загадок... А рабовладелец тем временем начинает свою игру против сильных (и богатых) мира сего.

«Гонка за смертью» — первая часть трилогии и прекрасный пример экзотического фэнтези «по мотивам» мифологии. Прообразы египетских богов и принципы «магии» угадываются с легкостью, но в то же

время мир Бена Гэлли полностью выдуман, читатель не встретит тут ни Ра, ни Осириса, ни Сета, но узнает их черты. Надо ли говорить, что река Нинс (в оригинале Нух), воды которой, как шепчутся, иссыхают, образована от Нила и Стикса. Мир «Гонки за смертью» — один из тех, где, несмотря на все жестокости, хочется задержаться подольше. Как верно отмечает бренд-менеджер Fanzon Дмитрий Злотницкий, Бен Гэлли — потрясающий демиург. Эта способность не мешает автору превратить текст в динамичный авантюрный роман, полный колкого черного юмора и не лишенный «тяжелых» сцен: тут и кости весьма описательно могут ломать. В плане градуса юмора «Гонка за смертью» напоминает «Норолей жути» канадского автора Николаса Имса.

Роман Бена Гэлли — мастерски и с чувством толка написанное развлекательное фэнтези, где автор не схалтурил, задним числом подумав: «Ладно, я же пишу жанровый роман на один вечер». «Гонка за смертью» действительно скрасит свободный вечер — читается книга легко, но не оставит равнодушными и больших ценителей жанра. Помимо сеттинга и особого колорита, Бен Гэлли играет объемными фигурками персонажей. Здесь даже злодеи — не функции. А уж главный герой — тот самый обаятельный мерзавец, который очаровывает с первого знакомства. Такой Остап Бендер, но жестче и фэнтезийней.

В книге три сюжетные линии, и одна, связанная с героиней, тащащейся через пустыню, намного слабее остальных, но на этой тропке Бен Гэлли приготовил ловушку. А именно масштабный твист в финале первого тома трилогии. Нанова же сумма всех слагаемых? Бодрое и увлекательное фэнтези для тех, кто устал от штампованных романов в привычных сеттингах и хочет чего-то свежего и необычного. «Гонка за смертью» — оазис в этой пустыне, который не стремится попасть в тренды, но выжимает из них все самые вкусные соки.

АННА ПАНКРАТОВА, «СОЛАРИС. ОСКОЛКИ ДУШ. ЧАСТЬ 1» (RUGRAM)

Соларис — мир, который существует параллельно нашему. Здесь есть стихийные маги, колдовство, а пугающий дар провидцев — данность, не чудо. Этот мир знает прогресс: электричество, машины... пусть некоторые деревни до сих пор весьма консервативны. А из-за связи с нашим миром героини напевают песни Нипелова, притаскивают мебель из «Инеи» и объясняют некоторым, кто такой Стивен Нинг. Все так тесно связано и переплетено не просто так: есть большая легенда о творении мира, где не последнюю роль сыграли Ненависть, Хаос и Любовь.

В романе две магистральные сюжетные ветки: в одной в лесу слепая провидица Аврора натывается на бывшего повелителя Подземного царства; в другой взаимодействуют две сестры (обе — стихийные колдуньи), пещера Лони и некромаг, бывший муж одной из героинь. А в конце... ждет прямой задел на вторую часть, связанный с невидимым режиссером всех событий.

«Соларис. Осколки душ» — ученический роман. Через текст прорывается желание автора творить, придумывать свой мир и рассказывать историю, но в то же время в книге найдется достаточно несостыковок и откровенных странностей. Получается что-то излишне осовремененное (и в плане сеттинга, и в плане поведения героев), где джинсовая юбка, которую предлагают надеть героине, совершенно не гармонирует с аллюзиями на греческую мифологию и фэнтезийно-средневековыми элементами (даже с оформлением карты в конце издания). Пусть сюжетно такое сосуществование реалий и объяснено. Персонажи слишком легко влюбляются друг в друга, иногда ведут себя именно как герои, а не как реальные люди. Был бы это постмодернизм — сработало бы. Здесь другая история. Конечно, в романе Анны Панкратовой есть интересные решения: одна сюжетная линия вполне классически, но ровно играет с мифом об Аиде и Персефоне, а уже упомянутый твист может вывести историю на новый уровень. Потенциала много.

Главная особенность ученических текстов — то, что с каждой новой частью они становятся лучше. С учетом того, что первой частью «Соларис» точно не закончится, можно быть уверенными: автор обязательно набьет руку. И неформат со странностью происходящего станут не багом, а фицей.